

— Это я тебя разозлил?

— Почему ты на меня кричишь? Я просто говорил сгоряча. К тому же, это ты первый начал ко мне приставать. Почему ты нарочно зацеловал меня до того, что ноги стали ватными? Ты что, презираешь меня за мою слабость? Когда мы были просто братьями, ты всегда заботился обо мне, никогда не кричал, а если вдруг случайно срывался, тут же извинялся.

— Почему, став любовниками, ты начал меня обижать? Это потому, что ты меня добился и теперь не ценишь? Или ты начал презирать меня, как только мы сошлись?

Говоря это, он чувствовал себя всё более обиженным, а голос его становился громче. Он напоминал ребёнка, который жалуется родителям на недостаток внимания, и в этой обиде сквозила жажда любви и заботы.

— И это вовсе не моя вина! Я не хочу вечно быть твоим балластом, я тоже хочу стать сильным, чтобы защищать тебя, а не ждать каждый раз, когда ты придёшь на помощь, чтобы спасти меня — обузу, никчёмного слабака, от которого, кроме как от головы, нет никакого толка.

Хэ Минчэнь говорил всё дальше и всё нелепее. Сюэ Юаньсун, который сперва хотел терпеливо выслушать его излияния, после последнего слова поспешно прервал его. Он с серьёзным видом обхватил лицо Хэ Минчэня ладонями, заглянул ему в глаза и, чётко выговаривая каждое слово, произнёс:

— Хэ Минчэнь, я исправлю всё, о чём ты сказал. Всё, чем ты недоволен, я изменю. Но послушай меня внимательно: я, Сюэ Юаньсун, никогда, никогда не считал тебя обузой.

— Ты не слабак, ты мой возлюбленный, самый дорогой для меня человек. Я готов отдать за тебя всё, даже собственную жизнь. Я люблю тебя. Понимаешь, Минчэнь? Я люблю тебя, поэтому никогда не буду презирать.

Это была его вина, он не заметил чувств любимого человека. Сюэ Юаньсун лишь сегодня узнал, что Хэ Минчэнь, обычно такой гордый и язвительный, тоже может быть таким нежным, ранимым и неуверенным в себе.

Хэ Минчэнь замолчал. Хотя внешне он сохранял невозмутимость, в душе он уже был готов провалиться сквозь землю от стыда. И всё же такой Минчэнь казался ещё более настоящим, ещё более милым.

Система забеспокоилась:

— С вами всё в порядке?

Слова Системы были полны угрозы, которая почти стала осязаемой. Взглянув на свою

внутреннюю память, где хранилось огромное количество снимков — почти по одному на каждую секунду, — Система увидела на них Хэ Минчэня, который никогда прежде не был таким уязвимым. Он плакал, как цветок под дождём, выглядел таким обиженным, слёзы непрерывно катились из уголков его глаз, а тонкие белые пальцы вызвали непреодолимое желание взять их и ласково перебирать.

Система невольно замерла, «случайно» сохранив самый красивый и атмосферный кадр в глубине своего ядра, а затем нажала «удалить всё».

— Нет, ничего, — ответила Система.

Сюэ Юаньсун, испытывая одновременно жалость и чувство вины, почувствовал в глубине души сладость. Если Минчэнь так боится его потерять, не значит ли это, что в его сердце тоже есть место для него?

У Хэ Минчэня есть чувства ко мне.

От этой мысли Сюэ Юаньсун не смог сдержать улыбку и глупо засиял от счастья.

Хэ Минчэнь: «?»

Хэ Минчэнь замер. В его глазах уже не было обиды, но слёзы всё ещё непроизвольно катились по щекам. Сюэ Юаньсун, глядя на него с беспомощностью и нежностью, поспешно принялся их вытирать.

От этих фотографий на сердце становилось больно, но в то же время просыпалось чувство обладания и желание разрушать.

Сюэ Юаньсун с беспомощной улыбкой в уголках губ замялся, но всё же попытался объяснить:

— М-м... На самом деле, я думаю, что это стоит называть... маленькими интимными радостями между любовниками.

Пусть даже это было неловко, но пока он знал, что занимает место в сердце Сюэ Юаньсуна, этого было достаточно. Это было самое приятное, что он когда-либо слышал.

Хэ Минчэнь скривил губы:

— Но ты всё равно меня обижаешь.

Он смотрел на Сюэ Юаньсуна с полным недоумением.

Голос Хэ Минчэня звучал приглушённо:

— Ничего. — Как только он закончил говорить, ему вдруг кое-что пришло в голову: — Надеюсь, ты не заснял то, что только что произошло?

Хотя в тот момент он просто хотел покапризничать, чтобы поскорее забыть, как у него от поцелуев подкосились ноги. Он хотел лишь немного разозлиться, выпустить пар, и чтобы всё закончилось, но гнев необъяснимым образом превратился в горькую обиду, и он уже не смог контролировать свои слёзные железы — проплакался от души.

При этой мысли Хэ Минчэнь невольно поджал губы. Сюэ Юаньсун с улыбкой отер пальцами влажные от слез щеки Хэ Минчэня.

— Не плачь, есть еще что-то, что тебя гложет? Расскажи обо всем, я исправлюсь пункт за пунктом и обещаю, что больше никогда не совершу подобных ошибок. Ну как, договорились?

Его глаза изогнулись в полумесяцы, а лицо озарила мягкая, искренняя улыбка, в которой сквозила такая глубокая, почти осязаемая нежность.

Хэ Минчэнь, смущенный этими словами, звучавшими словно ласковое утешение для ребенка, опустил голову и прижался лбом к груди Сюэ Юаньсуна. Он легонько ударил того кулаком в плечо, и, хотя тон его оставался резким, в нем отчетливо слышалось смущение:

— Замолчи. Я пойду умоюсь.

Сюэ Юаньсун с готовностью отозвался:

— Хорошо, я помогу тебе.

— Не нужно, — бросил Хэ Минчэнь и, покраснев, скрылся в ванной.

Плеснув на лицо несколько пригоршней прохладной воды, он моргнул, пытаясь унять припухшие веки, и посмотрел на свое отражение в зеркале, после чего в приступе досады и стыда закрыл лицо ладонями. Как же так, он ведь старший, а расклеился из-за такой ерунды, что никак не мог остановиться.

Хэ Минчэнь бросил взгляд на дверь ванной и тяжело вздохнул. Сейчас ему совсем не хотелось выходить наружу, а еще меньше — встречаться взглядом со Сюэ Юаньсуном. Но, будучи старшим, он не должен был уклоняться от поставленной задачи.

Он глубоко вдохнул, приподнял ногу, собираясь сделать шаг, но тут же опустил её, решив не спешить. Вместо этого он принялся тщательно, используя все профессиональные приемы,

приводить лицо в порядок. Лишь когда к внешнему виду уже невозможно было придраться, Хэ Минчэнь смирился с реальностью. Шаг за шагом он доплелся до выхода и приоткрыл дверь.

— Минчэнь, ты в порядке? Почему ты так долго?

Сюэ Юаньсун спросил это невзначай, но вопрос попал точно в цель, задев желание Хэ Минчэня спрятаться. Лицо того помрачнело.

— Просто умывался.

Сюэ Юаньсун, разумеется, заметил неловкость собеседника, но не стал настаивать и с улыбкой ответил:

— Хорошо. Есть еще что-то, что я должен исправить? — терпеливо поинтересовался он.

Хэ Минчэнь фыркнул:

— Об этом позже. — Он вскинул подбородок. — И неважно, насколько это интимно, но впредь ты не смеешь больше меня обижать.

Сюэ Юаньсун энергично закивал:

— Конечно, больше никаких обид.

Хэ Минчэнь уселся на диван. Странная, давящая атмосфера постепенно рассеялась, а разгоряченная от стыда и раздражения голова начала остывать. Однако что-то в этом развитии событий казалось ему... неправильным.

Неужели Сюэ Юаньсун всё это подстроил нарочно? Но чего он добивался? Хэ Минчэнь изо всех сил старался сдерживать свои привычные нервные жесты. Ведь большинство из того, о чем он докладывал, было строго конфиденциально, однако Сюэ Юаньсун выложил ему всё без утайки. Может ли лидер, который настолько слепо доверяет людям, обладать таким изощренным умом?

Хэ Минчэнь подсознательно отбросил эту мысль, но где-то в глубине души она все же оставила след, заставляя его контролировать каждое движение, чтобы не выдать истинных чувств.

Пока он размышлял, Сюэ Юаньсун придвинулся ближе и заискивающе улыбнулся:

— Брат Минчэнь, кажется, у меня осталось еще одно желание, верно?

Хэ Минчэнь бросил на него косой взгляд, и та же мысль вновь промелькнула в голове. Если судить по результату: Сюэ Юаньсун хотел довести его до слез поцелуями — цель достигнута. Поцелуи были, и слезы — тоже. А напоследок у него еще осталось неисполненное желание. Если вдуматься, все, кроме него самого, получили то, что хотели.

Сжав кулаки, Хэ Минчэнь постарался сохранить на лице невозмутимое выражение. Если его подозрения верны, то ум и методы Сюэ Юаньсуна можно назвать воистину коварными и прожженными. Поэтому он не имел права терять бдительность и показывать свои карты.

— Да, и чего же ты хочешь?

Но Сюэ Юаньсун, вопреки опасениям, не стал требовать чего-то чрезмерного.

— Я хочу, чтобы брат Минчэнь назвал меня братом.

Хэ Минчэнь странно посмотрел на него. Только это? Ради того, чтобы услышать это слово? Он привык носить маску старшего, и поначалу ему нравилось чувствовать себя наставником, поэтому он любил, когда Сюэ Юаньсун льстил ему, называя братом Минчэнем. Но зачем это самому Сюэ Юаньсуну? Ему тоже нравится, когда его величают братом?

Хэ Минчэнь пребывал в недоумении, но, видя, что просьба была такой пустяковой, понемногу отбросил свои подозрения. Его глаза снова превратились в полумесяцы, уголки губ тронула милая, сладкая улыбка. Он чуть понизил голос, и без того приятный, теперь он звучал чисто, словно родниковая вода, но с едва уловимой, манящей сладостью:

— Брат Юаньсун...

Дыхание Сюэ Юаньсуна сбилось.

<http://bllate.org/book/21326/2163288>